

Солженицын И. А.

9.12.98

СОЛЖЕНИЦЫН В ИЗГНАНИИ

В журнале «Новый мир» публикуется автобиографическое повествование Александра Солженицына. «Угодило зернышко промеж двух жерновов».

Каждый читавший «очерки литературной жизни», а точнее, остросюжетные мемуары Александра Солженицына «Бодался теленок с дубом», помнит, что заканчиваются они депортацией писателя в Западную Германию 13 февраля 1974 года. Вопреки настоению «либерального» А. Косыгина («Нужно провести суд над Солженицыным, а отбывать наказание его можно сослать в Верхоянск, туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов, там очень холодно») судить Солженицына ЦК не решился.

«Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания» — начинаются как раз там, где обрывается книга первая: «За несколько часов вихрем перенесенный из Лефортовской тюрьмы, вообще из Великой Советской Зоны — к сельскому домунику Генриха Бёлля под Кёльнем, в кольце плотной сотни корреспондентов, ждущих моих громовых заявлений, я им ответил неожиданно для самого себя: «Я достаточно говорил в Советском Союзе, а теперь помолчу»... Странно? Но с первых же часов — от нехватки здешней легкости, — как замкнулось во мне что-то».

«Замыкание», однако, было недолгим. Опубликованные теперь зарубежные интервью, эссе, выступления, обращения и статьи Солженицына составляют три увесистых тома. Ну а проза, поразительная проза эпопеи «Красное колесо» — еще многим больше. Продуктивность Солженицына в эмиграции не уменьшилась, но благодаря спокойным, спешащим делу условиям, кажется, возросла. «Постепенно стал из кризиса выходить — и даже настражден был «лавинными днями», как я их называю..., они больше всего и вытягивают работу: по неизвестной причине в какой-то день, прямо с утра, вдруг начинают прикатывать мысли, догадки, да какие обещательные, да как повелительно! — только успевай, пока не ускользнула, записывать, одну, другую, третью, и так возбуждаешься, за столом не усидеть, начинаешь ходить, ходить, а мысли, картины, сцены все прикатывают и прикатывают — ох, успеть бы хоть бегло, не дописывая слов, занести на бумагу».

Это то, что в поэтическом «про-

сторечии» называется вдохновением, что Иосиф Бродский в конце своей нобелевской речи определил как «колossalное ускорение сознания, мышления, мироощущения». Обычно мы живем вполсильы, в треть силы; в такие «лавинные дни» ресурсы личности бывают задействованы полностью.

Яркое свойство солженицынских мемуаров — предельная концентрация повествования, чрезвычайно высокий удельный вес каждого предложения и пассажа, умение одним штришком точно запечатлеть человека, в относительно небольшие объемы — вместить и публицистику, и полемику, и пейзаж, и лирику, и кровеную исповедь. Писательская речь работает «на сжатие», читательскому сознанию лениться тут не приходится, Солженицын вводит нас в саму «лабораторию», где формируется его миропонимание, в данном случае — его отношение к Западу, к принципам затратной технократической цивилизации последних десятилетий XX века.

Пока Солженицын жил в России — Запад казался в первую очередь союзником по борьбе с гибельным для нашей родины коммунизмом; главные претензии к Западу были в том, что он недостаточно в своем противостоянии последователен, что чересчур мягкотел. Оказавшись в эмиграции, Александр Исаевич понимает, что дело тут драматичнее, чем казалось из России, что Запад отождествляет Россию и коммунизм, что антикоммунизм размыается на Западе в русофобию.

«Уже не ощущаю я Америку таким плотным, верным и сильным союзником нашего освобождения, — признается Солженицын после нескольких лет эмиграции, вспоминая свои самые первые заокеанские выступления. — Да если б я знал! Если бы кто-нибудь мне тогда показал позорный закон американского конгресса (не отмененный и посейдня). — Ю.К.), где русские не были названы в числе угнетенных коммунизмом наций, а всемирным угнетателем назван не коммунизм, а Россия...»

Поразительны предвидения Солженицына. Еще в семидесятые годы он предостерегал от прихода в послекоммунистической России к власти тех сил, ко-

торые в конце концов к власти в ней и пришли.

Или: «Украинский вопрос — один из опаснейших вопросов нашего будущего, он может настисти нам кровавый удар при самом освобождении, и к нему плохо подготовлены умы с обеих сторон... Во всяком случае, знаю и твердо объявлю когда-то: возники, не дай Бог, русско-украинская война — не пойду на нее и сыновей своих не пущу».

... У Солженицына замечательно трезвый, точный взгляд на русского человека, на «национальный вопрос». Споря с Андреем Сахаровым, которому «само разделение идей на западные и русские непонятно», писатель возражает: «Ведь это — не физика, не геометрия, это гуманитарность, и как же, не чуя этого разделения, нам высказываться по общественным проблемам? В гуманитарной-то области идеи во многом определяются именно средой своего рождения, традицией и менталитетом именно этого народа». И Солженицын «не переставал жалеть, что, платя и платя жизнью для утоления своей чуткой совести, этот великий сын нашего народа никогда не примет к сердцу задачу национального возрождения его».

В изгнании Солженицыну приходится и вовлекаться в таможнюю общественно-политическую жизнь, столь бесхарактерную по отношению к коммунизму, и осваивать новое бытие, и писать свою эпopeю, прорабатывая горы исторических материалов и, конечно, по мере сил возвышать голос в защиту преследуемых. Упретый, маразмующий тотализм в ту пору «награждал» русских патриотов особенно большими сроками. И. Огурцов, Л. Бородин, В. Осипов... «Редактор «Вече» (патриотического самиздатовского журнала. — Ю.К.) В. Осипов уж как старался быть лояльным по отношению к советскому правительству, с большой буквы его писал, все силился увидеть в нем опору русских национальных надежд, даже главную силу полемики направил против меня как изменника этим надеждам, — но именно ему, а не левые диссидентам и не еврейскому оппозиционному течению... достается сейчас 8 лет второго срока и особый режим как «рецидивист». В заявлении в защиту Осипова Солженицын 25 сентября 1975 г., кажется, впервые чет-

Фото Александра Изотова

ко указывает: «На Западе до сегодняшнего дня безграмотно и беспечно взаимозаменяют слова «советский» и «русский». На самом деле эти слова прямо противоположны по смыслу».

Но не то же ли самое делает сегодня наша «левая оппозиция» — послушайте товарищей Зюганова и Проханова: в их демагогическом сознании русское давно осоветилось, а советское обрушилось.

Чудесны в сложеницынских мемуарах описания европейских красот, так о Европе в русской литературе доселе не говорилось. Франция, Англия, Испания — зрямые живые картины, и это — при большой скромности повествования. Или вот на Аляске: «огромные бело-пепельные орлы, а снизу крылья почти черные, летали над самыми верхушками деревьев и проходила от них тень как от самолета. Даже страшно: вот снится, схватит когтями Алю в меховом капоре и унесет. Было очень холодно, хотя май».

Из перипетий и коллизий солженицынских мемуаров косвенно выкристаллизовывается автопортрет человека, совмещающего сердечный порыв и стратегические задачи, непосредственность и алмазную твердость характера, неутомимую жажду единения и темперамент бескорыстного публициста. Солженицын

движет исконное русское правдолюбие, хотя он и видит ясно «неисправимый порок мира, отправившего от всякого даже представления об иерархии мыслей: ничей голос, ничья сила не могут ни запомниться, ни подействовать. Все перемелькивает и перемелькивает в новое разнообразие».

Такова цена свободы слова. И современная Россия платит эту цену сполна...

«Иногда у нас возникают бессвязные предвидения будущего, и порой оказываются они исключительно верны. Произвольно у меня бывали иногда такие: впрочем, потом начинаешь и действовать в этом направлении, так что спутывается предвидение с результатом. В связи с намеченной жизнью в Америке возникло у меня такое видение (но уже и желание, и намерение): возвращаться в Россию не через Европу (не в Москву, которая ослабленно разделила эти страшные годы России, да и не московский житель) — а через Тихий океан и Владивосток... — и потом долго, долго ехать по России, всюду заезжая, знакомясь, — это и будет вернуться в Россию. (Если не погонят иначе чрезвычайные обстоятельства — именно так и сделала)».

Без малого через двадцать лет Солженицын именно так и сделал.

Юрий КУБЛАНOVSKY.

